

П. Б О Г А Т Ы Р Е В

СТИХОТВОРЕНИЕ
ПУШКИНА „ГУСАР“

ЕГО ИСТОЧНИКИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА НАРОДНУЮ СЛОВЕСНОСТЬ

Стихотворение «Гусар» было написано А. С. Пушкиным в 1833 г., напечатано же в впервые в 1834 г. в № I «Библиотеки для чтения». «Интересна основная фабула «Гусара», говорит профессор Н. Ф. Сумцов в своей работе «Этюды об А. С. Пушкине». Она взята из малорусской демонической сказки*).

В. В. Данилов в работе «Источник стихотворения А. С. Пушкина «Гусар»**), возражает профессору Сумцову: «Сравнение профессора Н. Ф. Сумцова утверждает несомненную связь «Гусара» с малорусской сказкою; но пользовался ли ею Пушкин непосредственно, как материалом для своего стихотворения, на это мы не находим ответа в биографических данных Пушкина. Он мог слышать подобную сказку в Екатеринославе, но мог и не слышать, и скорее всего не слышал. Ведь сам профессор Сумцов признает, что знакомство Пушкина с «Малороссией было более книжное, чем личное.

---

*) Русский Филологический Вестник, т. 31, 1894 год, стр. 295—304. Статья о «Гусаре» была позднее перепечатана проф. Сумцовым в Харьковском Университетском Сборнике в память А. С. Пушкина (1799—1899). «Исследования о поэзии А. С. Пушкина». Харьков, 1900.

**) Русский Филологический Вестник, т. I, XIV, 1900 г., 243—252 стр.

Данное предположение имело бы за собой основательность, если бы Пушкин уже по выезде из Петербурга в свою служебную ссылку на юг, в такой же степени был увлечен интересами народности, как было впоследствии. При таком условии предположение не вносило бы в историю творчества Пушкина сомнительной случайности. Наконец, целые 13 лет, отделяющие Екатеринославскую жизнь Пушкина от времени создания «Гусара» также говорит не в пользу предположения профессора Н. Ф. Сумцова» *).

В этой же работе В. В. Данилов приводит, как непосредственный источник стихотворения «Гусар», рассказ Сомова «Киевские Ведьмы». «Происхождение «Гусара» Пушкина, говорит Данилов, легко объясняется из литературной деятельности Сомова. В 1833 году Смирдиным был издан сборник «Новоселье». Цензурное разрешение на издание было дано 1-го февраля 1833 года, а предисловие издателя Смирдина помечено 19 февраля 1833 года. Следовательно, вошедшие в книгу произведения должны были быть написаны до этого года, а сборник вышел на книжный рынок в половине 1833 года. Здесь была напечатана повесть Пушкина: «Домик в Коломне». В «Новоселье» же Сомов под обычным своим псевдонимом Порфирия Байского, поместил рассказ «Киевские Ведьмы», героями которого являются молодой казак Киевского полка Федор Блискавка и его жена Катрюся Ланцюговна. В этой повести и заключается сюжет «Гусара».

«То обстоятельство, продолжает Данилов, что «Гусар» написан Пушкиным в том же 1833 году, когда

---

*) Р. Ф. В. Данилов. Источник стихотворения А. С. Пушкина «Гусар», стр. 247—248.

были напечатаны «Киевские Ведьмы» Сомова, которых Пушкин не мог не знать уже по одному тому, что рассказ Сомова появился в одной книге с его повестью «Домик в Коломне», а так же то, что повесть Сомова хронологически предшествует «Гусару», позволяет положительно говорить о заимствовании Пушкиным сюжета у Сомова. Это подтверждается, кроме того, совпадением некоторых подробностей у Сомова и Пушкина. В рассказе Сомова волшебство ведьмы сопровождается бурей, то же в «Гусаре» Пушкина

А ночь была тюрьмы черней.
И на дворе шумела буря.

Стихи Пушкина в описании шабаша ведьм на Лысой горе: «Свистят и в мерзостной игре Жиды с лягушкою венчают», — также совпадают с рассказом Сомова, — в описании которого фигурируют жид, — великан: черта совершенно оригинальная, особенно говорящая о влиянии расказа Сомова на Пушкина.

Наконец, в «Киевских Ведьмах», ведьма подает казаку для возвращения домой лопату, а в «Гусаре» кочергу, эпизоды близкие друг к другу*).

Конечно, нельзя не согласиться с Даниловым, что Пушкин знал повесть Сомова «Киевские Ведьмы» и заимствовал отдельные места из нее, однако, одной этой повестью не исчерпывается все стихотворение «Гусар». Во - первых, в повести Сомова мы не находим места, где ведьма заботливо предупреждает гусара, чтобы он убирался домой, а то его с'едят.

---

*) Стр. 248.

И вдруг бежит моя Маруся
Домой: кто звал тебя, пострел.
Тебя с'едят.

Во-вторых, нет в повести и упоминания, что ведьма дает коня.

На дурень, вот и конь.
И точно; конь предо мною
Скребет копытом, весь — огонь,
Дугою шея, хвост трубою.
Садись. Вот сел я на коня,
Ищу уздечки — нет уздечки.
Как взвился, как понес меня.

Между тем параллельные этим местам мы находим, в малорусской сказке Харьковской губернии из сборника Иванова: «Хозяйка заметила его (гусара), и, как у Пушкина, заявила «Колы хочешь в свитьи житы, так сидай на цего коня та убирайся видциль мерщий, та не оглядайся.»

Но начало этой сказки сильно отличается от Пушкинского «Гусара». «Солдат ночью видит, как к его хозяйке старухе пришли 12 баб, перекинулись через нож, воткнутый в землю, и полетели в трубу. И солдат перекинулся через нож и очутился в Клеве на шабаше ведьм». С другой стороны нельзя не согласиться с обоими исследователями Сумцовым и Даниловым, что «знакомство Пушкина с малорусской поэзией было более книжное, чем личное», и не принять во внимание приводимые Даниловым и другие доводы, говорящие против заимствования Пушкиным этого рассказа непосредственно из малорусской народной сказки:

во первых, что Пушкин едва ли был увлечен интересами народности во время своей ссылки на юг в такой же степени, как было впоследствии, и во вторых, что «целые 13 лет, отделяющие екатеринославскую жизнь Пушкина от времени создания «Гусара», также говорят не в пользу предложения проф. Н. Ф. Сумцова» о непосредственном заимствовании Пушкиным сюжета своего стихотворения из малорусской сказки.

Другое дело, если бы нашли подобный вариант в великорусской народной сказке. Тогда было бы понятно непосредственное заимствование стихотворения из устной великорусской словесности таким знатоком ее, каким был Пушкин. Ведь время написания «Гусара» как раз совпадает с годами увлечения Пушкиным русской народной поэзией. Однако, ни Сумцов, ни Данилов, ни В. Н. Андерсен, разбирающий этот сюжет в западных и русских сказках в своей работе «Роман Анулея и народная сказка», не ставят вопроса о заимствовании А. С. Пушкиным стихотворения «Гусар» из великорусской устной словесности. Это и понятно. В великорусской устной словесности до последнего времени не встречалось сказки, сходной по содержанию с стихотворением «Гусар». Только в 1915 году появилась в печати такая великорусская сказка, записанная Д. К. Зелениным в Вятской губ. (№ 15).

«Росказ». (Солдат и его жена ведьма).

Солдат рассказывал:

„Служил в Саратове один солдат на службе. Состоял на квартире у одной старухи. У ней была дочь уже невеста, красивая собой. Вот солдат и слюбился с ней. Потом через несколько месяцев женился на ней. Тёсча старуха померла. Он и жил вдвоём со своей женой; военную службу

исполнял, а жил на квартире у себя дома, так как в то время солдаты более стояли по квартирам, а не в казармах.

В летнее время раз он после обеда лёк отдыхать. Жена ево прибрала всё в комнате и стала нарежаться.

Он смотрит. — „Куда же она собираетца“ думает. — Наредилась совсем, подходит к пблочке, взяла маленькую скляночку и чем-то из нее помазала себе нос. Обернулась сорóкой и вылетела в трубу на волю, и улетела. Солдат, немного думая, стал с лавки, подошел к пблочке и помазал себе нос. Вдрук, и сам не знаёт почему, обернулся сорокой и выскочил в трубу и полетел. Летел да летел, долетел до какова-та острова на море. И стал спускатца на зёмлю. Только коснулся земли, и, сам не зная почему, сделался опять солдатом.

Идёт по острову, вдрук ему вострéчу попала жена. — „Ты куда“ спросила она. — „А я и сам не знаю, как попал сюда.“ — „Убирайся поскорее отцель, а то прилетят мои подруги-ведьмы, и тебя с' едят.“ — „Как жо я пойду, когда кругом море.“ — „Да вот, я дам тебе коня.“ — Она начертила на земле пальцем рисунок коня, и вдрук перед ней очудился воронбй жеребёц. Посадила она мужа на ётова жеребца и наказала ему: „Смотри не тпрукай, а то плóхо будёт.“ — Он сел на коня и поехал. Смóтит: у коня под ногами вода, а бежит он воды не касаясь. Переехали мбрё. Доехал солдат до лесу, конь стал подниматьца вйше, и лес уже образовался у него под ногами.

Солдат увидел свой город (Саратов) и думает: „Непренменно меня конь увезёт не ладно. — Посмотрел есчо: город даже стал оставатца позади. Взял солдат да и стпрукал: — „Тпру“, говорит. — Вдрук очудился в огромном лесу: коё как и вышел. Полго́да вокура́т шол только до гброду Саратова. Вот ско́ль далеко́ не доехал.“

Сказка эта вполне покрывает те недостающие места, какие мы находим у Пушкина и в малорусских сказ-

ках и не находим у Сомова. Именно разговор ведьмы на шабаше с гусаром и поездка его на коне. Кроме того, в этой же сказке мы находим подробность, какой нет в малорусских и белорусских сказках и повести Сомова, и которая встречается только в великорусской сказке и в «Гусаре», а именно, что ведьма была красива, у Пушкина «была пригожа», в сказке Зеленина «красивая собой». Вятская сказка значительно подробнее малорусских и белорусских сказок и стихотворения Пушкина и содержит в себе детали неизвестные этим произведениям. Можно предположить, что Пушкин заимствовал сюжет стихотворения «Гусар» из двух источников: из повести Сомова «Киевские Ведьмы» и дополнил его некоторыми деталями из великорусской сказки, слышанной им во время его многочисленных записываний и собраний подлинной великорусской устной словесности.

Но тут же возникает такой вопрос. Не было ли обратного влияния, т. е. не является ли Вятская сказка переделкой Пушкинского стихотворения... Если мы ближе присмотримся к сборнику Зеленина «Вятских сказок» и к среде сказочников того времени, когда записывал Зеленин, то такое предположение будет вполне допустимо и вероятно. Вот что говорит Зеленин о сказочниках Вятского Края:

«Бедность Вятского Края сказками проявилась и в том обстоятельстве, что пользующимися известностью в околке сказочниками оказываются здесь часто солдаты; таковы: Бледных, Власов, Пуртов, Зубарев. Даже и сказочники не солдаты, бесспорно, позаимствовали многие свои сказки от солдат. И солдатские и многие не-солдатские моего сборника необходимо признать за-

несенными на Вятку в очень недавнее время: сказки эти не успели еще утратить многих мелких бытовых черт, совершенно чуждых местному краю»^{*)}).

Но солдаты заносили, конечно, не только сказки перенятые ими из - устно на службе от далеких и чуждых Вятскому Краю обитателей, они же являлись и проводниками в народ печатной литературы. Влияние книжной литературой на репертуар сказочников в Вятской губернии, повидимому, было очень значительно.

Вот что пишет об этом Д. К. Зеленин:

«С особенно любопытным случаем я встретился в 1901-м году, в селе Лом, Яренского уезда. Здесь крестьяне сильно нахвалили мне одного «сказочника», молодого человека из соседней деревни. Я постарался разыскать хваленного сказочника и как раз застал его (дело было въ праздник) в кругу мужичков, которые, расположившись на зеленой лужайке двора, внимательно слушали «сказку». Я бесшумно подсел. Оказалось, что наш «сказочник» рассказывал своим слушателям известный исторический роман гр. А. л. К. Толстого «Князь Серебряный», рассказывал со всеми подробностями, не перебирая и не перемешивая имен. Можно было только удивляться замечательной памяти молодого крестьянина, который, как оказалось, начитался «хороших книжек» в городе. Точно таким же образом он рассказывал «сказку и о принце и нищем» (Марка Твена) и некоторые другие повести и романы. — «Вот что идет на смену народной сказки», невольно подумал об этом я.

---

^{*)} Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Петроград, 1915 г., стр. XV.

Впоследствии я с подобным же случаем столкнулся на Урале, где сказочник (уже настоящий, знающий много народных сказок, русских и особенно башкирских), башкир — матрос Гасфур Каримов говорил мне, что он рассказывает также и сказку «Монтекрист» (очевидно, роман Дюма).

Оба эти случая редки и новы только в том отношении, что тут на месте сказок мы видим произведения мировой литературы, которые с народными сказаниями никакой связи не имеют. Что же касается лубочных книг, то там, конечно, подобные случаи часты; но лубочная литература еще при самом своем появлении тесно переплелась с устной народной словесностью, и там только путем долгого и кропотливого исследования можно определить, что позаимствовал народ из лубка и что, наоборот, взял лубок из народных уст.

Но присмотримся поближе к сказочнику, от которого записана наша сказка, Григорию Антоновичу Верхорубову.

Во время записи от него сказок это был человек не старый, 38-ми лет, грамотный. «В школе Верхорубов совсем не учился, но «самоучком дошел», будучи уже лет 16-ти, до грамотности, и теперь заменяет иногда церковника в местной приходской церкви». Зеленин замечает, что «читать ему (Верхорубову) удавалось мало», но зато, повидимому, слышал за свою жизнь Верхорубов много.

«По ремеслу Г. А. Верхорубов — плотник. Плотничает он только в своем же уезде, не уходя далеко от своей деревни, но здесь недалеко проходит граница трех губерний — Вятской, Вологодской (Никольский уезд) и Костромской (Ветлужский уезд), а на лесные

работы в «делянках» (лесных дачах) с'езжаются люди с разных сторон и спят в общих помещениях. На этих-то «делянках», да еще на мельницах, где «помольцам» (привесшим зерно для размола) также приходится проводить ночи и дни в общем помещении, Верхорубов и выслушал свои сказки»^{*)}).

Интересно еще и такое замечание Д. К. Зеленина:

«Кроме указанной «были» о покойнике с Вохмы, я не печатаю еще одну, выслушанную мною от Верхорубова сказку. Эту сказку я не записал полностью, так как сюжет ее близок к сказке А. С. Пушкина «О царе Салтане»: записывая сказки от Верхорубова, я боялся, что они частью вычитаны им из книг».

Правда, далее Зеленин замечает:

«Но теперь, при ближайшем изучении я убедился, что ничего подобного нет, мои опасения были напрасными»^{**)}).

Но все же тот факт, что у одного и того же сказочника мы встречаем две сказки на сюжет произведений Пушкина, позволяет нам предполагать, что если не читал Пушкина сам Верхорубов, он мог перенять обе сказки от другого сказочника, знакомого с сочинениями Пушкина.

Все вышеизложенные данные заставляют нас сравнить сказку Верхорубова № 15 со стихотворением А. С. Пушкина, исходя из предположения, что сказка эта есть видоизмененное стихотворение Пушкина «Гусар», и посмотреть насколько изменилось стихотворение Пушкина в устах сказочника.

---

^{*)} Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Петроград, 1915 г., стр. XIV.

^{**)} Тоже, стр. I.

Солдат в сказке также, как у Пушкина, «состоял на квартире», но не у вдовы, а у «одныё старухи», на дочери которой он женился.

Подобное изменение могло случиться под влиянием русских сказок типа «Роман Анулея», разобранных В. Н. Андерсеном «Роман Анулея и русская народная сказка», где герой попадает часто к двум чаровницам, причем одна из них старуха, другая молодая.

Далее опять сказка расходится со стихотворением Пушкина... Ведьма улетает не ночью в бурю, а в «летнее время после обеда». Затем в то время, как у Пушкина перед полетом она «разделась донага», в сказке она наряжается.

Дальше опять сказка сходится со стихотворением Пушкина.

У Пушкина —

«Там с полки скляночку взяла»

в сказке —

«Подходит к полочке, взяла маленькую скляночку».

Только у Пушкина она «из склянки три раза хлебнула», а в сказке «помазала себе нос».

И у Пушкина и в сказке ведьма улетает «в трубу», но в сказке она предварительно «обернулась сорокой», как после превращается в «сороку» и сам солдат.

Превращение ведьмы в сороку встречается в русском фольклоре. Вспомним, например, знаменитое превращение в сороку Марины Мнишек.

У Пушкина солдат после полета падает на гору, в сказке на остров.

Здесь попадаетея ему навстречу его возлюбленная; обращение ведьмы к возлюбленному и в сказке и в стихотворении довольно близко между собою.

У Пушкина —

«Домой, кто звал тебя пострел
«Тебя с'едят...»

В сказке —

«Убирайся поскорее отцель, а то прилетят мои подруги — ведьмы, и тебя с'едят.»

Предыдущий разговор в сказке —

«Ты куда», спросила она — «А я и сам не знаю, как попал сюда»

напоминает следующее место в стихотворении «Гусар»:

«Но кверху вдруг взвился я пухом
Куда не помню и не знаю.»

В сказке ведьма «начерътала на земле пальцем рисунок коня, и вдруг перед ней очудился вороной жеребец. Посадила она мужа на етова жеребца...»

У Пушкина нет этой сцены превращения рисунка в живого коня, и это дополнение могло быть сделано сказочником под влиянием легенд о «Стеньке Разине», где Стенька превращает рисунок лодки в настоящую лодку, на которой и уезжает из тюрьмы.

Приказание не «тпрукать» также нет в стихотворении Пушкина.

Из сравнения стихотворения Пушкина «Гусар» с Вятской Сказкой, мы замечаем, что некоторые места сказки и стихотворения очень близки между собою, но с другой стороны во многом сказка значительно отстывает от стихотворения Пушкина.

Может явиться еще такое предположение: а именно, что на народную сказку типа «Гусар» сказочник наложил ряд черт из хорошо знакомого ему стихотворения Пушкина и тем еще ближе приблизил эту сказку к стихотворению Пушкина.

Относительно Вятской Сказки мы высказали два предположения: 1 — сказка явилась источником стихотворения Пушкина «Гусар»; 2 — сказка возникла, как переделка Пушкинского стихотворения.

На чьей же стороне перевес?.. Что более вероятно?..

В вопросах о заимствованиях редко когда удается, будучи осторожным, дать решительно тот или иной положительный ответ. В большинстве случаев приходится иметь дело с уравнением со многими неизвестными и допускать несколько решений.

За недостатком материала мы оставляем и этот вопрос открытым. Повторяю, более тщательные собирания, вероятно, дадут новый материал и прольют свет на этот до сих пор темный вопрос.

Теперь обратимся к другой части нашей работы. Посмотрим, как, может быть, заимствованное отчасти из народной поэзии стихотворение Пушкина, обратно попало в народ и как там видоизменилось.

Стихотворение Пушкина «Гусар» встречается в нескольких вариантах народной драмы «Царь Максимилиан».

Мне удалось пересмотреть 13 отдельных вариантов «Царя Максимилиана». Из них только в 6 вариантах, как действующее лицо, входит гусар, а именно:

1. В 1-й вариант «Северных драм» Ончукова (из Архангельской губ.).

2. В вариант, сообщенный А. Н. Веселовским, записанный в апреле 1891 г., без указания на место записи («Этнографическое обозрение», 1898, № 2).

3. В вариант, записанный А. Е. Грузинским в 1896 году в Речицком уезде, Минской губ. от одного из актеров, молодого парня, туземца, но с великорусской речью («Этнографическое обозрение», 1898, № 3).

4. В третий вариант в сборнике пьес «Царь Максимилиан», напечатанных И. Абрамовым в «Известиях II отделения Российской Академии Наук», 1909 года.

5. В вариант, записанный Травинным в Петербургской губ. Из сб. «Народный театр».

6. Наконец, в рукописи, найденной нами в Архиве Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Запись этого варианта сделана членом Саратовской Архивной Комиссии П. Шишкиным в июле 1912 года от крестьянина Московской губернии Богородского уезда, Буньковской волости, деревни Грибанино.

Из всех этих вариантов только в четырех мы встречаем в роли гусара пересказ стихотворения Пушкина «Скребницей чистил он коня».

Причем в записи Грузинского только отмечено гусар (поет). «Гусар на саблю опираясь» и «Скребницей чистил он коня» (в несколько импровизированной передаче).

Очень жаль, что Грузинский не привел в точности эту импровизированную передачу обоих стихотворений.

Полностью приведены слова гусара в варианте, записанном Костиным, без указания на место записи.

Вот эта роль:

Гусар (подходит). Здравия желаем В. И. В.

Царь. Гусар, где ты по сее время пропадал.

Гусар. За Уралами стоял, ваше царство защищал.

Царь. А нука докажи свое геройство.

Гусар (ходит и говорит). По царскому дозволению саблю нагло обнажу, всю гусарскую храбрость окажу

Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру.
Здесь человека держат,
Как на турецкой перестрелке;
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке (водке)
Здесь на тебя, как лютый зверь
Глядит хозяин да хозяйка.
Небось не выманишь за дверь.
Ее ни честью, ни нагайкой.
То ли дело город Киев. Что за край
Валяются сами в рот галушки,
Вина — хоть пару подавай,
А молодицы, молодушки —
Ей, ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки чернобровой;
Одним, одним нехороши...

Царь. А чем, расскажи, служливый.

Гусар. Ну, слушайте. Около Днепра стоял наш полк. А на мое счастливое моленье попала хозяйка, да добрая, — так добра, так хороша. Бывало напоит накормит, да сороковушку винца приготовит.

Вот с ней и подружился я.
Живем согласно, так что любо.
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвит грубо.
Нашьюсь — уложит и сама
Опохмелиться приготовит.
Мигну бывало: эй кума. —
Кума ни в чем не прекословит.
Кажись, о чем бы горевать.
Живи в довольстве, безобидно.
Да нет, я вздумал ревновать.
Что делать. Враг попутал, видно.
Зачем бы ей, — стал думать я,
Вставать до петухов, кто просит.
Шалишь Марусенька моя.
Куда ее лукавый носит.
Я стал присматривать за ней,
Раз я лежу, глаза прищуря, —
А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря, —
И слышу: кумушка моя
С печи очень тихо прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула,
И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой;
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,
Разделась до нага, потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом,
Взвилась в трубу и улизнула.

Эге. Сметнул в минуту я:
Кума - то, видно, басурманка.
Постой, голубушка моя.
И с печки слез, и вижу — склянка.
Понюхал — кисло: что — за дрянь.
Плеснул я на пол — что за чудо.
Прыгнул ухват, за ним лахань,
И оба в печь. Я вижу худо.
Гляжу, под лавкой дремлет кот,
И на него я брызнул склянкой.
Как фыркнет он. Я — брысь, — и вот
И он туда-же за лаханкой.
Я ну кропить во все углы.
С плеча, во что уж ни попало.
И все — горшки, скамьи, столы —
Марш — марш все в печку поскакало.
Кой черт, — подумал я теперь:
И мы попробуем, и духом
Всю склянку выпил. Верь не верь,
Но кверху вдруг взвился я пухом.
Лечу, кричу: эй, вы, звезды левее,
А ты месяц правее, а то ведь задавлю.
Гляжу — гора; на той горе
Кипят котлы, поют, играют, свистят
и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают,
Да мою Маруську забавляют.

Вдруг меня моя Маруся увидала. — Ты, пострел,
зачем сюда поспел. Вот тебе грязная кочерга, поез-
жай домой. — Как, я гусар присяжный, да поеду тебе
на кочерге грязной. Да я не буду мундира марать.

А если ты для меня и хороша и добра, оседлай ворона коня: шея дугой, грива волной, я сел-бы гусарик да поехал домой. Гляжу, выводит мне Маруська коня: шея дугой, грива волной, я сел гусарик и поехал домой. Приезжаю домой, думал я на добром коне, гляжу — на трехногой скамье. Кончен, кончен дальний путь, дай гусару вздохнуть (поется песня).

«Кончен, кончен дальний путь, вижу край
родимый,
Сладко было вздохнуть мне с подружкой
милой.

— Долго в грусти я ждала казака младова,
Чуть забрещилась луна с неба голубова»...

Царь (кричит: «смирно!» и говорит гусару).
Гусар, а видно роду-то не простого.

Гусар. Так точно.

Царь: Какого - же.

Гусар. Дворянского рода, собачьего завода, благородного каменьщика, пастухов сын.

Царь. Хорошего роду.

Мы остановимся на этой импровизированной передаче стихотворения Пушкина. Нам кажется, что такие исследования далеко не бесполезны, как для изучения механизма, творчества и передачи устной поэзии, так и для изучения того автора, стихотворения коего переделываются и приспособляются народом.

Вполне присоединяюсь к словам, высказанным проф. Н. Н. Дурново в его работе «Узник Пушкина» в народной переделке, помещенной в «Пушкинском сборнике». Статьи студентов Московского Университета под

редакцией проф. А. И. Кирпичникова, Москва, 1900 г. (стр. 237). «Для изучения произведений А. С. Пушкина не безынтересно знать, как они воспринимаются простым народом. Разбор народных переделок Пушкинских стихотворений и отыскивание других следов влияния Пушкина на теперешнюю народную словесность помогли бы отчасти при решении вопроса о народности Пушкина, вопроса, чаще других поднимавшегося, но до сих пор почти еще не поставленного на научную почву. Такое изучение должно бы идти рядом с отыскиванием мотивов, взятых Пушкиным самим из произведений так называемого народного творчества. С другой стороны нам кажется, что изучение тех песен, которые, так сказать, на наших глазах становятся народными, очень важно в методическом отношении, что именно с таких песен удобнее начинать при изучении народной песни. Песни литературного происхождения при сличении с подлинниками помогли бы выяснить законы собственно «народной песни».

Я нарочно останавливаюсь сначала на наименее оригинальной переделке стихотворения «Гусар», которая нам поможет разобраться и дополнить наиболее оригинальную импровизацию, входящую в состав пьесы «Царь Максимилиан», найденного нами в Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Отмечу эти видоизменения. Вместо Пушкинского стиха:

Здесь человека берегут
рифмующегося с
Насилу щей пустых дадут
встречаем в этом варианте
«Здесь человека держат»

и далее

Насилу щей пустых дадут
чем нарушается рифма.

Видоизменена рифма и далее:

У Пушкина

Глядит хозяин, а с хозяйкой...
рифмующегося

Ее ни честью ни нагайкой.

В этом варианте «Максимильяна»:

Глядит хозяин да хозяйка
рифмующегося с

Ее ни честью ни нагайкой.

В Пушкинский стих

Толь дело Киев. Что за край
вставлено слово «город», чем нарушается ритм
То ли дело город Киев. Что за край.

Все вышепоименованные видоизменения являются ошибочными для Пушкинского стиха, но они вполне приемлемы для стиха раешного, каким, повидимому, и воспринимает Пушкинский стих наш интерпретатор стихотворения «Гусар».

Если в строчке

Здесь человека держат
нарушается рифма, то это обычный художественный прием в народном стихе, чтобы рифмующиеся строчки время от времени перемежались со строчкой или строчками без рифмы или даже без рифмы и ритма.

Рифма «хозяйка — нагайкой» очень обычна в раешном стихе.

Если в строку

Толь дело Киев? Что за край!

вставлено слово «город», то это для раешного стиха опять вполне приемлемо. Для раешного стиха обязательно, чтобы в каждой из двух рифмующихся строчек было одинаковое количество главных ударений. От прибавления слова «город» главных ударений осталось столько же, сколько и было, так как «город» произносится в этой строчке, как элитика.

Точно также Пушкинская строчка

С печи тихонько спрыгну́ла

и строчка нашего интерпретатора

С печи очень тихо спрыгну́ла

для раешного стиха имеют и та и другая 3 главных ударения и тем равнозначуци.

В строчке в «Максимильяне»:

Вина хоть пару поддавай

из Пушкинского стиха:

Вином хоть пару поддавай

не нарушены ни ритм, ни рифма.

Но кроме этих изменений в ритме и рифме мы встречаемся со смысловыми изменениями.

Так пропущены две начальные строчки описательного характера.

Скребницей чистил он коня

А сам ворчал, сердясь не в меру.

и заменены следующими раешными стихами:

Царь. А ну - ка докажи свое геройство.

Гусар (ходит и говорит). По царскому дозволенью

Саблю наголо обнажу
Всю гусарскую храбрость окажу

а затем уже начинает

Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру и т. д.

Слова собеседника гусара приписаны царю:

Царь: А чем же, расскажи, служивый,

Дальше пропущены слова описательного характера, а затем довольно высокомерный и неучтивый разговор гусара со своим слушателем отчасти сокращен, отчасти видоизменен.

У Пушкина:

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.
Ну, слушай, около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж - то помер, замечай - ка.

В «Максимильяне»:

Гусар: «Ну слушайте. Около Днепра
стоял наш полк. А на мое счастливое моление
попала хозяйка, да добрая,
так добра, так хороша.
Бывало напоит, нажормит
Да сороковушку приготовит.

Переделано раешным стихом и следующее место Пушкинского стихотворения:

Стремглав лечу, лечу, лечу
Куда, — не помню и не знаю.
Лишь встречным звездочкам кричу
Правей... И на земь упадаю.

Здесь в этом варианте «Максимильяна» во время полета гусар держит себя более ухарски, чем у Пушкина:

Лечу, кричу: эй, вы звезды левее,
А ты месяц правее, а то ведь задавлю.

Конец стихотворения опять передан стихом раешников, но очень близко к подлиннику:

У Пушкина:

Гляжу гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.
Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
Домой, кто звал тебя пострел.
Тебя с'едят. — Но я не струся:
Домой. Да чорта с два, по чем
Мне знать дорогу. — Ах, он странный,
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный. —
Чтоб я, я сел на кочергу.
Гусар присяжный. Ах ты, дура.
Или проданся я врагу.
— Иль у тебя двойная шкура.

Коня. — «На, дурень, вот и конь».
И точно конь передо мною
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою — шея, хвост — трубою
— Садись. — Вот сел я на коня,
Ищу уздечки — нет уздечки.
Как взвился, как понес меня, —
И очутились мы у печки.
Гляжу: все также; сам же я
Сижу верхом и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вот что случается порою».
И стал крутить свой длинный ус.
Прибавя: молвить без обиды
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

В «Максимильяне» к стиху:

Жида с лягушкою венчают
прибавлено
Да мою Маруську забавляют.

и далее:

Вдруг меня моя Маруся увидала.
Ты пострел, зачем сюда поспел.

(Эта фраза переделана из поговорки «Наш пострел везде поспел»).

Вот тебе грязная кочерга, поезжай
домой. — Как, я гусар присяжный,
да поеду тебе на кочерге грязной.
Да я не буду мундира марать.

А если ты для меня
хороша и добра, оседлай воро-
на коня: шея дугой,
грива волной,
я сел - бы гусарик да поехал домой.
Гляжу выводит мне
Маруська коня: шея дугой,
грива волной,
я сел гусарчик и поехал домой.
Приезжаю домой, думал я на добром коне,
гляжу — на трехногой скамье.
Кончен, кончен дальний
путь, дай гусару вздохнуть.

Из сравнения этой импровизации с подлинным стихотворением Пушкина, мы пришли к следующим выводам:

Слова гусара в этом варианте «Царя Максимильяна» большею частью целиком заимствованы из стихотворения «Гусар» Пушкина. Видоизменения в этом стихотворении двух родов. Во - первых: замена отдельных слов другими, при чем, благодаря этим знаменам, нарушается ритм или рифма Пушкинского стиха. Впрочем, иногда такие замены не нарушают Пушкинского ритма. Во вторых изменения смысловые:

1) Пропускались в роли гусара строчки описательного характера.

2) Менялся тон речи, так как гусар в песне говорит с царем, а не с хлопцем.

3) Слова хлопца вложены в уста Максимильяна.

Отдельные места этой свободной передачи Пушкинского стихотворения рассказаны раешным стихом. По-

видимому, и все стихотворение Пушкина интерпретатор воспринимал как написанное раешным стихом. По крайней мере, отдельные строчки Пушкина он видоизменял так, как это допустимо в раешном стихе и недопустимо в Пушкинском силлабо-тоническом стихе. Следует отметить, что даже и места, переложённые на стих раешников, очень близко передают подлинник. Теперь обратимся к более оригинальной переделке стихотворения Пушкина, входящей как часть в роль гусара пьесы «Царь Максимилиан», найденной нами в архиве Саратовской Ученой Архивной Комиссии. В конце пьесы помечено: «Записано от кр. Московской губ., Богородского уезда, Буньковской волости, д. Грибашено Николая Павловича Коняева 13 июля 1912 года. Пьеса ставилась в г. Богородске и мес. Павловском Посаде, Богородского уезда, Московской губ.»

По словам г. Коняева, пьеса передается изустно из одного поколения в другое с незапамятных времен.

Вот эта роль.

Максимилиан: Привиди мне гусара.

Гусар: Честь имею явиться, ваше императорская
вличества.

Максимилиан: Расскажи мне, гусар, свою гусар-
скую службу.

Гусар: Вот и я, гусар присяжный
Имел с французам бой отважный
Француски пульки мима миня как пчёлки
лители

Но в миня гусарика не попадали
Ни рас с врагом хватался
Но с французом так я славна расправ-
лялся

(Выхватывая из ножен саблю).

А вот мая сабилька зладейка
Фсем французам лихадейка
Ана у миня ни лжива
Несколька лет служила
И сколько турецких немецких галоф па-
лажила

А чем за гусарам ни хвалют житьё
У гусара два уса и хлеба ни куска
Дроф ни палена
А именья полан двор каменьёф.
Гусар по утру рана фстаёт
Графин вотки фстаёт (?)
Вышьет закусит
Да с дефками гулять запустит.
Плоха ли.

Кончен кончен дальний путь
Дай гусару ваздахнуть.

(Поет):

Гусар на саблю упирался
В глубокай гористи стаял.

(Хор подхватив):

Он долга с милай спращался
Сказал пращай, пращай, пращай...

Максимилян: А ну расскажи, гусар, где ты был
И что ты видел.

Гусар: А вот и я гусар отважный
Ежжал па дальным старанам
Был я ф Парижи
Был я и ближи

Был я в Италии
Был я и далии
Был я в Адессии
Был я и далии верст за двести
Был я в Клину
Фсем дыркам дал па блину
Ани мне ничиво ни сказали
И гулять миня с сабой пазвали
Был я ф Тули
Там миня атдули
Был я ф Питири
Там мне бака повигырли
Приехал я в Ризань
Там миня свизали
Лалти сплили
И апячь суда привили
И вот здесь я пазнакомился
С двумя прикрасными Марусеньками
Адну звали Варвара,
Которая будит выши нашива амбара
А другую звали Софья
Которая три года на печки сохла
Сохла, сохла
На бок поваратилась
И на трое раскатилась.
И вот астался я жить с адной прекрасной
Варварой
А ана была у миня такая мастирица шить
страчить
Что бешенай сабаки ни перискачить
А как на юпке шофчик сстрочит
Сам чёрт ни пирыскачит

Хлебушка печь тожи была мастирица
Бывала испичёт так: снизу падгарела
Сверху падапрела
Па краям пресна
А ф сиретки теста
Ни ножичкам решь
А ложечкой ешь.
Сабака ела, ела
И та акалела
Хстела и миня злодейка умарить
Да то мае щастье, что ана жила в ди-
ривни, а я здесь, и вот аднажды ана
пишит мне письмицо:
«Милинькай мой
тримбамбульчик - гусарчик,
Пришли мне подарчик».
Вот и думал, думал, какой ей паслать
падарчик
И паслал ей ат сальной свечи агарчик,
Чайничик новинький без дна
Толькя ручкя адна
И вот за этат подарчик ана асталась
благодарна и пажаловала в гости
И вот аднажды лижим мы на печки
Ана как упала сарвалась
А я кричу: «А чёрт же тебе ни видел
Что же ты ни диржалась»
Кой - как ана встала в угол пашла
Палбутылачки нашла
Вьпила пыхнула
И ф трубу махнула.
А гусар был не промах,
Слез с печки,

Зажог тридцать три сальных свечки,
В угал папол
Целую четвертушку напол
Выпил, закусил и кричу:
Чашки, ложки, жареная рыба.
Взяло памяло, фсе в трубу памяло.
И вот я хадил хадил
Па этой пустой горници
Нанюхался этава духу
И вылил сам ф трубу
Личу и кричу:
«Ты месяц правее,
а вы звезды левее,
А то наличу
Ф прах расколочу».
И вот я лител, лител
Прилетел туда
И сам ни знаю куда
Глижу гара
На гаре нара
Я туда слушаю, смотрю. Поют и вели-
чают.

Я хотел плюнуть и выхадить
Глижу, а там мая Маруська дрянь
Ана и гаварит: О наш пастрел
Визде паспел.
А я говорю: Малчать баба, дура,
Давай мне ворона каня.
Баба испугалась, ат страха задражага
На канюшню пабижала
И привила мне каня большова
И вот я на этова каня садился

И с той гары на брюхи алять суда при-
катился

Кончил, кончил дальний путь
Дай гусару вздахнуть

(Запеваает):

Кончил, кончил дальний путь
Вижу край радимый

(Хор):

Слатка была вздахнуть
Мне с падрушкой милай

Гусар (запеваает)

Долго долго я ждала
Казака младова

(Хор):

Вдрук забрыжила луна
С неба галубова.

Нет сомнения, что и этот вариант восходит к стихотворению Пушкина, на что указывают такие разительные совпадения. И в стихотворении и в пьесе герой этого эпизода гусар (в народной сказке не гусар, а солдат).

Имя ведьмы и у Пушкинца и в нашем варианте — Маруся. Близки отдельные места.

У Пушкина:

Стремглав лечу, лечу, лечу
Куда — не помню и не знаю.

В «Максимильяне»:

Прилетел туда
И сам не знаю куда.

У Пушкина:

Гляжу гора. На той горе
Кишат котлы.

В «Максимильяне»:

Гляжу гора
На горе нора.

У Пушкина:

Я плюнул и сказать хотел.

В «Максимильяне»:

Я хотел плюнуть и выходить.

У Пушкина:

Домой, кто звал тебя пострел.

В «Максимильяне»:

О наш пострел
везде поспел.

У Пушкина:

Ах ты, дура.
Или продался я врагу.
Иль у тебя двойная шкура.
Коня.

В «Максимильяне»:

А я говорю:
Молчать баба, дура.
Давай мне ворона коня.

Теперь отметим различия стихотворения Пушкина и нашего варианта. Прежде всего явное различие с формальной стороны. Вся роль гусара произносится не силлабо-тоническим стихом, а стихом раешников. В предисловии к изданным Н. Н. Виноградовым текстам «Царя Максимильяна» акад. А. И. Соболевский предполагает: «Даже рифмованная проза (так называет Соболевский

раешный стих), которую теперь говорят герои «Царя Максимилиана» едва ли принадлежит прототипу (хотя ею написана вышеупомянутая пьеса о Гендрике); прототип мог иметь правильный силлабический стих XVIII в.»

Это положение находит себе подкрепление в данном варианте, раз тонический стих переделан в силлабический, тем легче мог быть переделан стих силлабический на раешный, так как они ближе стоят друг к другу, чем тонический и раешный.

Отличается рассказ гусара о своей поездке на шабаш ведьм в пьесе от того же рассказа в стихотворении Пушкина. В пьесе он гораздо короче.

Теперь отметим отдельные видоизменения в роли гусара по сравнению с стихотворением Пушкина.

У Пушкина гусар, ругая настоящую «квартиру», вспоминает привольную жизнь около Днепра, где за ним ухаживала ведьма Марусенька.

Вот как он описывает эту жизнь:

Моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж - то помер, замечай - ка,
Вот с ней и пордужился я:
Живем согласно, так что любо.
Прибью — Марусенька моя
Словечка не промолвит грубо.
Напьюсь — уложит и сама
Опохмелиться приготовит.
Мигну бывало: эй кума!
Кума ни в чем не прекословит.
Кажись, о чем бы горевать.
Живи в довольстве, безобидно.

В нашей пьесе гусар рассказывает, что он «познакомился с двумя прекрасными Марусеньками. Одну звали Варвара, а другую звали Софья».

Здесь не бессмыслица, что Софья и Варвара названы Марусеньками.

Марусеньки, повидимому, обозначают любовниц. В разных городах «проститутки» обозначаются определенным каким нибудь именем.

А другую звали Софья
Которая три года на
печке сохла
Сохла, сохла
На бок поваротилась
И на трое раскатилась

Слова эти взяты, повидимому, из балаганной прибаутки. У Кельсиева в «Петербургских балаганных прибаутках» (Труды Этнограф. Отд. И. О. Л. Е. А. и Э., книга IX, выпуск I, Москва, 1889) находим в прибаутке «Жена» такие слова:

Зовут ее Софья,
Которая три года на печке сохла.
С печки то я ее снял,
Она мне и поклонилась
да на трое и развалилась
(3 ст. «Жена», стр. 114).

Дальше в пьесе

И вот остался я жить
с одной прекрасной Варварой.

Дальше гусар характеризует прекрасную Варвару в противоположность Пушкинской Марусеньке, как очень скверную хозяйку.

Описание, как Варвара печет хлебы, тоже заимствовано из балаганной прибаутки. Вот описание, какие жена печет хлебы:

«Да что и за хлебы. Снизу подопрело,
Сверху подгорело,
С краев то пресно,
В середине тесто.
Не режь ножичком,
А черпай ложечкой.

(6. «Жена стряпает». Балаганная прибаутка Кельсиева, стр. 115).

Дальше уж гусар характеризует Варвару, как подлинную злую ведьму.

Об отъезде гусара, о переписке с возлюбленной, посылке подарка и приезде возлюбленной, мы ничего не встречаем у Пушкина.

У Пушкина после счастливой жизни гусара с Марусенькой, говорится, как гусар стал ревновать Марусю и ночью тихо подсмотрел за ней, что она делает. Ведьма потихоньку от него принимает зелье и улетает.

В нашей песне это место скомкано. Вот как оно описывается:

И вот однажды лежим мы на печке
Она как упала сорвалась,
А я кричу: а черт же
Тибe ни вилел
Что же ты ни диржалась
Кой-как она встала в угол пошла
Палбутылочки нашла
Вышла пыхнула
И в трубу махнула.

Ведьма в этом варианте пьесы, в противоположность стихотворению Пушкина и не старается скрыть своих приготовлений к полету и самого полета. Кроме того, у Пушкина и у Травина приготовления ведьмы к полету описаны подробнее:

Да в уголок пошла со свечкой.
Там с полки скляночку взяла
И сев на веник перед печкой,
Разделась до нага, потом
Из склянки три раза хлебнула
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу и улизнула.

Иначе описано и приготовление гусара к полету у Пушкина:

И с печки слез — и вижу — склянка.
Понюхал: кисло, что за дрянь.
Плеснул я на пол: что за чудо.
Прыгнул ухват, за ним лахань.
И оба в печь. Я вижу худо.
Гляжу под лавкой дремлет кот.
И на него я брызнул склянкой
Как фыркнет он, я: брысь.
И он туда же за лаханкой
Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало
И все: горшки, скамьи, столы
Марш, марш, все в печку поскакало.

Гусар в нашей пьесе слез с печки, зажжёт тридцать три сальных свечи (число 33 очень употребительно в народной поэзии и здесь, может быть, играет магическую роль).

Дальше гусар первым делом выпивает четвертушку:

Выпил, закусил и кричу
Чашки, ложки, жареная рыба
Взяло памяло.
Уж в трубу памяло.

У Пушкина гусар ничему не приказывает лететь, а кропит волшебной жидкостью. Повидимому, жидкости большого значения здесь не придается, а сам гусар в нашей пьесе, летит не потому, что выпил ее.

И вот я хадил, хадил
Па этой пустой горнице
Нанюхался этава духу
И вылетел сам в трубу.

Во время полета гусар в нашей пьесе держит себя еще более ухарски, чем у Пушкина.

Изменен характер и разговора на шабаше ведьм гусара с своей возлюбленной. У Пушкина ведьма Маруся, заботится о своем возлюбленном, отправляет его домой, боясь, что его с'едят. В нашей пьесе ведьма дает коня, повидимому только из страха перед гусаром. Она и говорит:

О наш пострел
Везде поспел.

(Замечу, что здесь рассказчик вставил поговорку).

А я говорю: молчать баба дура
Давай мне ворона коня.
Баба испугалась, и от страха
Задрожала, на конюшню побежала
И привила мне коня большова.

Конец путешествия несколько иной.

У Пушкина:

...сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь, а старая скамья.

В пьесе:

И вот я на этого коня садился
И с той горы на брюхи опять прикатился.
Кончил, кончил дальний путь
Дай гусару вздохнуть.

Подведем итоги нашего сравнения.

I. Прежде всего «Гусар» Пушкина и роль гусара данной пьесы формально отличаются друг от друга: гусар в пьесе говорит стихом раешников, а не силлабо-тоническим стихом.

Другое формальное отличие. Слова Пушкина «Кто звал тебя пострел» заменены народной поговоркой: «наш пострел везде поспел».

II. Изменен характер ведьмы Маруси. У Пушкина это заботливая хозяйка и горячо привязанная к гусару любовница. В данной пьесе: плохая хозяйка, неряха, злая ведьма, намеревавшаяся отравить своего любовника, кроме того, большая трусиха.

III. Характер гусара не видоизменен. Видно очень по вкусу пришелся его ухарский характер, выпукло нарисованный Пушкиным.

IV. Внесены некоторые дополнения в начале рассказа о том, что у гусара было прежде две возлюбленных. Может быть, здесь заимствование из сказки, где, как у Зеленина, солдат сначала знакомится с двумя женщинами. Затем мать-старуха умирает.

V. Вставлен рассказ о том, что гусар жил отдельно от Маруси и затем, что она к нему приехала.

VI. Отдельные места сокращены. Например, приготовление ведьмы к полету, нет почти описания шабаша ведьм.

VII. Довольно неудачно изменена сцена приготовления к полету ведьмы. У Пушкина она совершает эти приготовления потихоньку от гусара, в пьесе при нем.

Композиционно построен рассказ у Пушкина и в варианте Саратовский Архив. Ком. совсем иначе. У Пушкина в рассказе одно событие логически вытекает из другого, между тем, как в варианте Арх. Ком. главное внимание рассказчика направлено на то, чтобы нанизать возможно больше шуток и острот по поводу встретившихся фразы или слова.

Отмечу, что, повидимому, роль нашего гусара переделана из той редакции, к которой восходит роль гусара из «Царя Максимильяна», сообщенная Веселовским, так как отдельные места совпадают почти дословно: слова гусара к месяцу и звездам и слова «наш пострел везде поспел», которые говорит Маруся на шабаше.

Остановимся, наконец, на роли гусара из варианта, записанного Д. А. Травным в Петербургской губ. (из сборника «Народный Театр»).

Царь: Поди, позови сюда гусара.

Гусар: О, великий повелитель, всему миру покоритель, грозный царь Максимилян, зачем гусара так скоро призываешь, и что делать повелеваешь.

Царь: Узнать хочу, где гусар находился.

Гусар: В бою.

Царь: Окажи, гусар, храбрость свою.

Гусар: Хорошо царь говорит, похвалиться мне велит. И вот я саблю обнажу (вытаскивает из ножен саблю) и всю гусарскую храбрость расскажу. Я гусар присяжный, не один раз имел с французами бой отважный. Мимо меня пули и ядра летали и как пчелы жужжали. За то меня царь жаловал медалями и крестами и частыми мелкими звездами; две нашивки на плече и острый меч в правой руке и золотой перстень на руке (в это время показывает на грудь, на плечи и на перстень). А вот послушайте, господа, вторая история моя. Как гусара не любить, у гусара два уса, дров ни полена, за то в крови по колена. А вот послушайте, господа, третья история моя. Как на море, на океане, на острове на Буяне, на зимних квартирах мы стояли; попала мне хозяйка хороша и добра и лицом, шельма, красива, да не ведьма ли она. Однажды я лежу на печи, глаза прищуря, на дворе такая сильная буря. Вдруг моя хозяйка слезла с печи, зажгла три сальные свечи, из угла в уголок прошла и скляницу нашла, хлебнула, да и в трубу махнула. А я был парень не робливый; слез с печи, зажег три сальные свечи, из угла в угол прошел и я скляницу нашел, побрызгал чашки и ложки и кочережки и марш все в окошко, и я хлебнул и в трубу махнул. Лечу, кричу: луна на-право, звезды налево, всех передавлю. Лечу туда, чорт знает куда. Прилетаю, — гора, в горе нора, там чорта с ведьмою венчают, мою хозяйку забавляют. Увидала меня хозяйка, закричала: «Ты, пострел, зачем сюда поспел». — «На пирушку» — «На какую на пирушку, убирайся покамест цел — «Я бы рад уйти, да ворона коня не найти». И вот моя хо-

зайка ведет коня вороного: грива и хвост золотые в кольца завитые. И вот я кончил дальний путь, позвольте гусару отдохнуть».

Несомненно, что и эта роль в «третьей истории» является переделкой Пушкинского стихотворения, сравним, например, такие места, как

попала мне хозяйка хороша и добра
и лицом, шельма красива.

У пушкина

...Моя хозяйка
Была пригожа и добра.

Далее:

Однажды я лежу на печи, глаза прищуря, на дворе
такая сильная буря.

У Пушкина

Раз я лежу, глаза прищуря,
А ночь была черней
И на дворе шумела буря.

В «Максимильяне»

А я был парень неробливый, слез с печи, зажег
три сальные свечи, из угла в уголок прошел и я склян-
ницу нашел побрызгал чашки и ложки и кочережки и
марш в окошко.

и я хлебнул
и в трубу махнул.
Лечу кричу луна на право,
звезды налево, всех передавлю.
Лечу туда
чорт знает куда.

Прилетаю гора, в горе — пора, там
чорта с ведьмою венчают,

Сравним у Пушкина

И с печи слез — и вижу склянка

и т. д. до

Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Дальше

Увидала меня хозяйка, закричала:
«Ты пострел, зачем сюда поспел?»
— На пирушку».

«—» На какую пирушку,
убирайся пока цел!»

«—» Я бы рад уйти, да ворона коня
не найти.»

И вот моя хозяйка
ведет коня вороного:
грива и хвост золотые. В кольца
завитые:»

Сравним у Пушкина

Домой, кто звал тебя пострел

до

И точно конь передо мной
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубой.

Но кроме этой связи с самим стихотворением Пушкина большое сходство в данном варианте с вариантом Саратовской Ученой Архивной Комиссии. Причем сходство это простирается, не только на сюжет Пушкин-

кинского «Гусара», но и на начальные слова роли того и другого варианта. Совпадения эти подчас дословны. Кроме того, в варианте Травина встречаются совпадения с вариантом Костина.

Так у Костина.

Жида с лягушкою венчают
Да мою Маруську забавляють.

У Травина

Чорта с ведьмою венчают,
Мою хозяйку забавляють.

Этих слов «мою хозяйку забавляють» нет ни у Пушкина ни в варианте Архивной Комиссии.

Все три варианта, значит, восходят к какому-то общему, причем последние два — Травина и Архивной Комиссии — особенно близки друг к другу.

Теперь постараемся наметить те пути, которыми проникло стихотворение «Гусар» Пушкина в устную поэзию.

Конечно, в редких случаях литература высших классов могла проникать непосредственно через журналы или собрания сочинений какого-либо автора в народ. Обыкновенно же проводниками такой литературы служат народные лубочные книжки и народные лубочные картинки.

Что касается народных книжек, то часть из них, именно песенники, довольно подробно разобрана А. С. Якуб в статье «Современные народные песенники» (Изв. И. А. Н., 1914 г., I книга).

«Гусар», как произведение мелкое, должен был бы войти именно в песенники, так как в песенники входили

не только песни, но и стихотворения и даже анекдоты. Но А. С. Якуб не указывает, чтобы стихотворение Пушкина «Гусар» входило в собрание песенников. Правда, перечисляя стихотворения А. С. Пушкина, она после целого ряда заглавий прибавляет и другие. Может быть, в это число «других» входит и стихотворение «Гусар».

Желательно бы конечно, чтобы был подробный перечень всех стихотворений, вошедших в песенники, и чтобы по такому указателю мы могли всегда точно определить входило ли данное стихотворение в песенник или нет.

За последнее время с развитием грамотности в народ все больше и больше проникают через посредство народных изданий произведения книжной литературы. И потому при изучении современной устной словесности всегда должны считаться с современными или новыми произведениями книжной литературы. А таким проводником новых произведений, как это показал статистически Португалов в работе «Задачи интеллигенции и ее обязанности по отношению к народу», почти всецело является лубочная литература. После работы А. С. Якуб, мы стоим еще в сравнительно лучших условиях по отношению к песням, романсам и мелким стихотворениям. Что касается прозаической литературы: романов, повестей, анекдотов, то здесь мы совершенно беспомощны, так как этот отдел лубочной литературы почти совсем никем не затрагивался. Укажу на небольшую статью Н. В. Чехова в юбилейном сборнике в честь Сытина, а также кой-какие указания в работе Португалова «Задачи интеллигенции и ее обязанности по отношению к народу».

Итак, повидимому, стихотворение «Гусар» не входило в народные песенники.

Что касается лубочных картинок, то мы встретили в собрании лубочных картинок Исторического музея картину «Гусар», помеченную 1896 годом. Интересно бы проследить, как давно проникла это стихотворение в картинку. К несчастью, как раз лубочные картины, этого периода, т. е. от 30-х годов прошлого столетия до начала нынешнего оказались «пасынками в науке». О ранних лубочных картинках мы имеем обстоятельное исследование Ровинского, о лубочных картинках нового времени, главным образом, картинках XX в., далеко не исчерпывающую, но все же подробную статью Ветринского. О лубках же, которые не вошли к Ровинскому и Ветринскому, почти нет никаких упоминаний. Две работы Блюммера, вышедшие в 1859 и 1860 гг., упоминают менее десятка картин, и работы эти написаны не с научной целью. Недавно вышедшая работа Денисова «Война и лубок», если и упоминает о военных лубках того времени, то только с чисто художественной стороны и не касается текстов картинок. Несколькими словами обмолвилась об этих картинах Колмачевская в статье о лубочных картинках, помещенной в юбилейном сборнике в честь Сытина.

Если издание картинки «Гусар» 1896 года считать первым изданием, то тогда эти картинки не могли бы служить источником роли гусара в «Царе Максимилиане», записанной Костиным (первый разобран-бренный нами вариант) в 1891 году. Раз так, то стихотворение Пушкина «Гусар», является как раз одним из тех немногих литературных произведений выс-

ших кругов, которые проникли в народ помимо лубочной литературы и лубочных картинок.

Теперь остановимся на самой роли гусар в пьесе «Царь Максимилиан». Если мы прочтем все варианты «Царя Максимилиана», где действующим лицом является гусар, то сразу заметим, что роль гусара не связана органически с пьесой, а чисто внешне к ней приклеена, как, впрочем, и многие другие персонажи этой пьесы. Как же к старым действующим лицам присоединилось новое — гусар. На этот вопрос отвечает второй вариант пьесы Ончукова «Царь Максимилиан».

В сцене «Прения» Аника - воин после того, как ему не удалось выпросить у смерти продлить жизнь, «хоть на месяц» просит:

«Дай хоть любимую песню спети.
Смерть. Ну пой. •

Аника - воин и хор поют:

Гусар на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял,
На долго с милой разлучаясь
И воздыхая, он сказал:
Не плачь, красавица — слезами
Кручине злой не пособишь,
Клянусь я честью и усами
В любви тебе не изменить.

Что является несколько видоизмененным отрывком из стихотворения Батюшкова «Разлука»:

Гусар на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;

Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:
«Не плачь, красавица слезами
Кручине злой не пособишь.
Клянуся честью и усами
Любви не изменить.
«Любви непобедима сила.
Она мой верный щит в войне;
Булат в руке, а в сердце Лила:
Чего страшиться мне.
«Не плачь, красавица слезами
Кручине злой не пособишь.
А если изменю . . . . ., усами
Клянусь, наказан быть.
«Тогда мой верный конь споткнется,
Летя во вражий стан стрелой;
Уздечка браная порвися,
И стремя под ногой.
«Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюся перед тобой».
Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался —
И честь гусара с ним.
А он забыл любовь и слезы
Своей пастушки дорогой,
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.
Но что же сделала пастушка.
Другому сердце отдала.

Любовь красавицам игрушка;
А клятвы их — слова.
Все здесь, друзья, изменой дышет;
Теперь нет верности нигде.
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелкою на воде.

Стихотворение это вошло и в народные песенники (Якуб «Народные песенники», Изв. Акад. Наук).

Песня эта, войдя в пьесу сначала лишь только для того, чтобы сильнее отобразить грусть Аники-воина, далее была драматизована и повлекла за собой новое действующее лицо — гусара.

В четырех вариантах (роль гусара встречается всего в шести вариантах «Царя Максимилиана») мы встречаем в роли гусара стихотворение Батюшкова «Разлука» или отдельные отрывки из него.

Далее эта роль стала разрастаться. Появилась обычная в народных драмах самохарактеристика гусара вроде следующей:

Я гусар присяжный,
Имел с французом бой отважный.
Французски пульки вокруг меня, как пчелки
летали,
Но в меня гусарика не попадали.
Был убит подо мной конь вороной,
Храню я честь солдата,
Мне не надо, ни серебра ни злата,
А ты мою царь доволен.

(Первый вариант Ончукова).

С подобной самохарактеристикой гусара мы встречаемся в пяти вариантах «Царя Максимильяна». Появление в пьесе роли гусара повлекло за собой и привлечение и драматизацию разобранного нами стихотворения Пушкина «Гусар», встретившегося нам в трех вариантах пьесы.

Роль гусара все разрасталась и разрасталась. И в двух вариантах пьесы «Царя Максимильяна» мы встречаем любовную сцену гусара с Богиней или Дахмарой и бой из-за нее.

Бой гусара с соперником из-за возлюбленной ничего оригинального не представляет и является «locus communis» бесчисленных «турниров» в пьесе «Царь Максимильян».

Вот так нам рисуется появление нового персонажа — гусара и дальнейшее развитие его роли в пьесе «Царь Максимильян».

ОЧЕРКИ ПО ПОЭТИКЕ ПУШКИНА

1. Б. Т О М А Ш Е В С К И Й —
ПЯТИСТОПНЫЙ ЯМБ ПУШКИНА
2. П. Б О Г А Т Ы Р Е В — „ГУСАР“
3. В. Ш К Л О В С К И Й — ЕВГЕНИЙ
ОНЕГИН (ПУШКИН И СТЕРН)
4. 81 ДИАГРАММ И ЧЕРТЕЖЕЙ
К РАБОТЕ Б. ТОМАШЕВСКОГО

Э П О Х А
БЕРЛИН / 1923